

Узоры на воде

Фото В. ВЕЛИКАНИНА (ИТАР-ТАСС)

Евгений НЕКРАСОВ

Публика не любит акварель. В массовом представлении у нее сложилась репутация «тренировочной», «набросочной» техники. Как в литературе у рассказа (опять же в массовом представлении): набьешь руку на рассказах и выбьешься в романисты. Набьешь руку на акварельках и напишешь «Утро в сосновом бору». Но как в литературе есть блестящие самодостаточные рассказчики, так в изобразительном искусстве появляются самодостаточные акварелисты, показывающие новые (или хорошо забытые старые) возможности этой техники. В поколении сорокалетних такой один — Сергей Андрейка. С 28 февраля в Третьяковке будет открыта для широкого посещения персональная выставка Сергея. Пятидесятая в его жизни.

веч. Москва. - 1998. - 27 февр. - с. 6.

Андрейка, который этажом ниже Сурикова

-Была у меня выставка в Большом Манеже — 600 работ, она занимала практически весь Манеж. Был Малый Манеж, ЦДХ, выставки в музейчиках, выставочных залах московских и немосковских. Но Третьяковская галерея, конечно, сложная штука...

— **Жаловаться будете?**
— Жаловаться не буду, но очень трудная выставка. Там же, на третьем этаже, акварели Сурикова, а мои на втором... Не знаю, есть ли в этом какой-то момент умышленности. Наверное, просто так совпало.

— **Ну и как вам спится?**
— Естественно, мне пришлось очень внимательно посмотреть всю свою выставку. Хотя Суриков сам говорил об акварели, что это для него техника интимная, ведь основное творчество у него — сюжетные картины. Он ездил куда-то, писал акварели как рабочий материал. А у меня немножко другое: акварель как картина.

— **Вообще у акварели репутация эскизной, подготовительной техники.**

— Да, к сожалению. Либо, как говорят, дамской живописи: туманы какие-то, закаты... А у меня акварель — классическое направление. И классическая техника: по сухой бумаге. Это все то, что представлял собой живопись, только сделано акварелью, поэтому здесь нет ограничений в размерах: есть работы полтора на два с половиной метра и огромные панорамы, до шести с половиной метров длиной.

— **Если сравнивать с маслом, то какая техника сложнее?**

— Акварель. Потому что карандашный рисунок нет, подготовки нет, белого цвета у меня нет — только белая бумага, и я пишу сразу кистью. Если ошибся, то уже не исправишь. Но зато многослой-

ность акварели дает совершенно неограниченные возможности добиваться цветовых оттенков, которых современная масляная живопись дать не может. И второе — это, конечно, свет. Прозрачная краска, положенная по белому экрану бумаги, светится сама по себе.

— **А вас не смущает хрупкость бумаги?**

— Если гвоздем по масляной живописи пройти, я не думаю, что будет долговечно.

— **У вас ярлык — любимый художник Лужкова. Откуда это пошло?**

— Если мне память не изменяет, в передаче «Намедни» Лужкова спросили, кого он любит из художников, и Юрий Михайлович стал называть: Шилов, Глазунов, Церетели и Андрейка. Это прозвучало за неделю до открытия моей выставки в Большом Манеже. В «Вечернем клубе» появилась статья «Любимый художник Юрия Лужкова», а потом уже это стали пересуживать.

— **Выставку вашу открывает Лужков. А как он вообще узнал, что у вас выставка?**

— Я ему принес пригласительный билет.

— **А он доступный человек для вас?**

— В общем, он не одну мою выставку открывал.

— **А свою мастерскую на Тверской вы давно получили?**

— Нет, ее не Юрий Михайлович мне дал. Эта мастерская у меня с 84 года.

— **Вам тогда было 26 лет. Вы удачливый...**

— Не могу жаловаться на судьбу. Но я и трудился с утра до ночи. Когда было все государственное, я этими благами не пользовался. В 83-м году я вступил в Союз художников, и у меня был выбор и даже в

какой-то степени обязательство работать в комбинате, брать заказы. Я же окончил Суриковский институт как живописец, у меня много масляных работ. Я пришел как законопослушный гражданин, как член Союза в комбинат, чтобы записаться на работу. Там была своя группа, которая распределяла эти работы между художниками. Можно было писать Ленина, передовиков производства, а можно было — что-то поинтереснее. Я записался на то, что мне интересно, и мне один раз не дали заказ, второй раз не дали... А потом думаю: а зачем мне с этим дело иметь? И я стал одиночкой работать. На то время я преподавал сначала в Суриковской школе, тогда еще учась в институте на дневном отделении, потом в Суриковском институте. А когда преподаешь, объясняя кому-то, объясняешь и себе, то есть видишь себя в развитии со стороны. Плюс к этому я стал делать выставки — где угодно, как угодно, без транспортных средств, — но с каждой выставкой объявлялись покупатели или заказчики, которые мне помогали из долгов как-то вылезти и вложить деньги опять в те же рамочки, стекла и краски. Я поэтому и не лез ни в какие объединения, которых тогда много пообразовалось. Я сам по себе. Вот делаю свою персональную выставку, потому что персональная может нравиться или не нравиться, но она представляет художника целиком: вот он такой, хотите ешьте, хотите нет. А когда ты участвуешь двумя-тремя работами в большой выставке, сказать о тебе как о художнике нечего.

— **Я слышу жалобы от художников нашего с вами поколения на их коллег, которым сейчас за 70, — дескать, сидели в Союзе монстры, молодым хода не давали...**

— **Была какая-то идеологическая подоплека?**

— Нашлись силы, которые были за, и силы, которые были против. Но это отдельный разговор. Я вам лучше расскажу, как году в 86-м один эксперт Музея изобразительных искусств имени Пушкина посмотрела мои работы и говорит: «Конечно, это интересно, но мы занимаемся в основном закупками наших мастеров двадцатых годов. Но вы продолжайте заниматься акварелью, вы это дело не бросайте».

— **Поощрила! Каких-нибудь пятьдесят лет, и до вас дойдет очередь...**

— Я до сих пор ее вспоминаю, это было очень забавно... Таких моментов у меня было множество. Когда сейчас я, скажем, в книге отзывов читаю: «Как же вы не уча-

Старый Серпухов

— Не могу сказать, чтобы была какая-то суперпомощь со стороны наших корифеев, которые тогда имели силу и власть. Я, конечно, очень благодарен тем, кто мне тогда помог. Это Алексей Михайлович Грицай, это Ткачевы, это мой педагог Виктор Григорьевич Цыплаков, у которого я учился. Но вот, скажем, в Союз художников меня принимали со скрипом.

— **Была какая-то идеологическая подоплека?**

— Нашлись силы, которые были за, и силы, которые были против. Но это отдельный разговор. Я вам лучше расскажу, как году в 86-м один эксперт Музея изобразительных искусств имени Пушкина посмотрела мои работы и говорит: «Конечно, это интересно, но мы занимаемся в основном закупками наших мастеров двадцатых годов. Но вы продолжайте заниматься акварелью, вы это дело не бросайте».

— **Поощрила! Каких-нибудь пятьдесят лет, и до вас дойдет очередь...**

— Я до сих пор ее вспоминаю, это было очень забавно... Таких моментов у меня было множество. Когда сейчас я, скажем, в книге отзывов читаю: «Как же вы не уча-

ствуете в наших всероссийских выставках акварелей?», я говорю, что когда-то меня туда на дух не пускали. В 83-м году я отобрал восемь работ для выставки акварелистов в ЦДХ, но не взяли ни одной. Я стал думать: что же там за акварели такие, что я в эту обойму не вхожу? Там было представлено чуть ли не шесть тысяч работ, я посмотрел все. И не нашел ни одной, которая была бы написана, как пишу я, по сухому, классической акварельной техникой. И я тогда понял, что мне надо в эту сторону не идти...

— **Каждый художник задумывается о своей роли в искусстве. Не могли бы вы себя каким-то одним эпитетом охарактеризовать — модный, народный...**

— Я обычный человек, который делает свое дело. Тот дар, который мне дан, — если он мне дан, — он не мой, и мне гордиться этим нечего. Работоспособность — это мое, да, а то, что получается в результате, то это уже вопрос не ко мне. Это как конкурс красоты. Я не понимаю, как может человек гордиться своим собственным телом. Он поработал над этим? Нет, таким родился. И тащить себя на ярмарку тщеславия — нет, нет и нет!